

В ОДНОМ РЯДУ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ отмечает шестидесятилетие со дня рождения Владимира Киршона.

Киршон погиб молодым, тридцати шести лет,—в пору, когда к художнику только приходит зрелость. Но след, оставленный им, значителен. Это пьеса «Город ветров», посвященная драматической истории двадцати шести бакинских комиссаров; это обошедшая сцены многих советских театров комедия «Чудесный сплав», рассказывающая о нашей пытливой и жизнерадостной молодежи, о строителях первых пятилеток; это «Хлеб», постановка которого открыла новую страницу в истории МХАТа; это «Рельсы гудят» и другие пьесы.

Я не историк и не театровед и, определяя сегодня зна-

чение пьес Киршона, сужу о них прежде всего по той живой реакции зрителей, которую эти произведения вызывали в свое время.

Помню премьеру «Рельсы гудят» в театре, который теперь называется именем Моссовета. Для того чтобы объяснить причины большого успеха, которым пользовался спектакль, надо много и долго рассказывать о том периоде, когда советской драматургии еще приходилось завоевывать свои позиции в театре. Особенность была в том, что зрители увидели в пьесе Киршона людей, которых очень хорошо знали в жизни, но которых до этого на сцене почти не показывали. Нечто подобное я испытывал и тогда, когда читал в первый раз «Цеммент» Ф. Гладкова. Борьба рабочего класса, борьба нашей партии за торжество нового, передового показана в этих произведениях честно и смело. Писатели не закрывали глаза на трудности в нашей действительности. Это отнюдь не было ее идиллическим восхвалением. Но Киршон — именно в силу своего жизнеутверждающего оптимизма — не боялся показывать ту нелегкую борьбу, с которой новое активно входило в нашу жизнь.

Главный герой его, Василий, директор завода, сам недавно бывший рабочий, и те, кто шли за Василием, искали верных жизненных путей на глазах у зрителя. И в этот процесс вмешивался буквально весь зал. В узнаваемости образов и заключалось, собственно, открытие. Очень запомнилось мне то внимание, с которым все смотрели на сцену, та горячность, с которой обсуж-

дались события во время антрактов.

Для меня же лично эта премьера была интересна еще и тем, что я вдруг обнаружил: Володя Киршон, оказывается, может быть и растерянным, и смущенным, и даже робким. И тогда мне стало понятно, что тот Киршон, которого мы все привыкли видеть обычно собранным, спокойным или слегка насмешливым, колко ироничным, — многосторонней.

Мне пришлось встречать Киршона в различные моменты его жизни. Помню, сколько было волнений перед премьерой его пьесы «Хлеб» в МХАТе. Многие тогда опасались, что «Хлеб» — пьеса страстная, активная, но лишенная того глубинного подтекста, которым обладала столь органичная для этого театра чеховская и горьковская драматургия, — послужит основой для создания спектакля довольно посредственного. Но МХАТ показал правду нашей жизни. Спектакль прошел с большим успехом. И мне думается, созвучным нашему сердцу делало его то, что в центре изображаемых событий был настоящий коммунист — Михайлов. Ему был противопоставлен ярко выписанный образ Раевского, человека, в какой-то мере родственного Мечiku из фадеевского «Разгрома».

Все сказанное мною выше вовсе не значит, что пьесы Киршона были лишены недостатков. Сегодня, вероятно, зрители реагировали бы на его произведения уже иначе. Это закон времени. Но если бы Киршон был жив, он был бы вместе с нами в одном строю.

Константин ФИНН.